Ленинградская правда

28 ноября 1980 года + № 272 (20014)

ОН ВЕСЬ — СВОБОДЫ ТОРЖЕСТВО!

Сегодня — 100 лет со дня рождения А. А. Блока

«УЗНАЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ! ПРИНИМАЮ!»

ИМЯ Блока стоит в одном ряду с именами великих поэтов мира. В нашей литературе он продолжил плеяду корифеев русской поэзии и в сознании читателей еще при жизни занял место рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым. Его творчество оказало огромное революционизирующее воздействие на всю поэзию XX века. Владимир Маяковский считал, что поэтический труд Блока был героичен и революционен. Сегодня Блока знает весь мир, люди всех стран и континентов. Его стихи вошли в духовную сокровищницу русской и мировой культуры. Они неотъемлемы от эпохи революций и освободительных движений.

Еще в годы первой русской революции Александр Блок говорил, что Россия, «вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой».

Можно сказать, что и сам поэт, умевший слушать музыку бури, радостно приветствовавший ее «звоном щита», всю свою недолгую жизнь жадно смотрел в глаза революции.

«Всем телом, всем сердцем, — писал он в 1918 году, — всем сознанием — слушайте Революцию».

Он был последним поэтом старой России, бестрепетно вошедшим в дерзкую и громкую новизну со словами поддержки, привета и восхищения. Его поэзия стоит на рубеже двух противоположных эпох.

Блок был радостно оглушен и взбудоражен крушением дряхлого, злобного мира. Когда мы читаем поэму «Двенадцать», наполненную громкими голосами революционной улицы, выстрелами, криками и пронзительным свистом вселенской вьюги, мы слышим этот грохот обваливающихся старых зданий. В день окончания работы над «Двенадцатью» Блок записал: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг».

На строчках поэмы пляшут отсветы костров, горевших на площадях Петрограда. Мы слышим, как печатает шаг ночной патруль, и видим, как трепещут на ветру кумачовые полотнища. Поэма донесла до нас, пройдя через десятилетия и не потускнев от времени, самый воздух грозовой эпохи, ее живые голоса, ее быт и ее патетику.

В «Двенадцати» есть слова, глядящие крупно — как на плакатах:

Революционный держите шаг!

Врагам революции казалось кощунственным уже одно то, что апостолами нового мира поэт сделал двенадцать красногвардейцев, что, как бы встав рядом с ними, Блок благословил их «державный шаг» в будущее. И, конечно, они не могли простить ему того кумачового, бунтарского цвета, каким окрашена вся поэма. Блок отвечал им презрением. Когда в январе 1918 года ему был задан вопрос о том, может ли художественная интеллигенция сотрудничать с Советской властью, он ответил, что не только может, но и обязана. Его симпатии были на стороне большевиков. Еще накануне Октябрьского восстания, 19 октября 1917 года, он записал в дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

Он был одним из первых российских литераторов, который сразу же решительно перешел в демократический лагерь и присоединился к писателям революционного народа — к М. Горькому, В. Маяковскому, А. Серафимовичу, Демьяну Бедному... Уже в начале ноября 1917 года он был на совещании деятелей литературы и искусства, приглашенных ВЦИКом к участию в строительстве социалистической культуры. Блок вошел в комиссию по расследованию преступлений царской династии Романовых. Много сил и времени отдавал он делу народного просвещения, работая в издательстве «Всемирная литература», организованном М. Горьким. Вместе с М. Горьким содействовал он и открытию Большого драматического театра. Его культурно-просветительская деятельность не только разнообразна, но и исключительно целеустремленна, агитационна.

Никогда поэт не был так тесно связан с современностью, с народом, как в дни Октября. Великий подъем душевных и творческих сил ощутил он в то время. А время было не только патетическим, но и тяжелым. Советская страна боролась с интервенцией, с голодом, с разрухой.

Мы знаем изображения Блока времен революции. Огромные темные глазницы, впалые щеки, втянутые голодом или стужей, быстрые блики на лице, почти призрачном, едва выступающем из тьмы.

Высокое пламя его жизни бурно и самосжигающе металось на безжалостных ветрах одной из самых штормовых эпох в истории нашего Отечества.

В какое трудное, в какое великое время звучал голос этого человека, верившего в будущее России со всею истовостью воспламененной русской совести!

В эти годы он пишет «Скифов» — гневное обличение империалистической Европы. Это произведение перекликается со знаменитой пушкинской инвективой «Клеветникам России». Оно и сегодня, почти через шестьдесят лет, звучит современно. Блок пишет в нем о том, что именно Советская Россия сзывает народы мира на «братский пир труда». Колокольный, набатный, призывный гул исходит от этого стихотворения, преисполненного великой гражданской страсти.

В последний раз —
опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Весь творческий путь Блока, начавшийся накануне первой русской революции и закончившийся вскоре после Октября, связан с революционными потрясениями.

По циклам его стихов — от «Страшного мира», от «Стихов о России» до «Двенадцати» и «Скифов» — можно проследить, как неуклонно, как закономерно шел певец Прекрасной Дамы в стихию революции. Над «Соловьиным садом» его поэзии непрестанно гремели грозы небывалой силы, но у Блока нет стихов, в которых он пугливо укрывался бы от свежего ветра социальной бури.

И вечный бой!
Покой нам только снится.

Тревожный, трагический свет его факельной поэзии и до революции неустанно предрекал невиданные мятежи и войны, социальные катастрофы и революции неслыханной силы. В поэме «Возмездие» он сказал об этом с убежденностью политического аналитика и прозорливостью поэта. Его вера в могучую силу России, родного народа была непререкаема. В стихах о России, в цикле о Куликовом поле он написал об этом чувстве исторически масштабно и лирически страстно.

Готовность к подвигу, жажда подвига жили в его душе и поэзии ежечасно, они придавали его стихам высокий романтический настрой, прорывали завесу обыденности, отметали скуку и пошлость, звали к высотам человеческого духа.

Блок не всегда осознавал и не сразу понял, откуда именно идет буря, хотя она уже заявляла о себе — в годы его юности — резким ликующим криком горьковского буревестника, но самоотреченное ожидание решительной социальной перемены не уходило из лирики Блока, даже из интимных, любовных его стихов.

Когда в стихах Блока живут, любят и страдают, казалось бы, только два человека — он и она, — мы все равно ощущаем в их индивидуальной драме присутствие и влияние огромного пространства: социального, общечеловеческого бытия.

Через личные сюжеты блоковских стихотворений как бы пропущен ток высокого напряжения: в них отчетливо или смутно, но почти всегда угадываются эпоха, жизнь нации. Только у великого поэта шепот сердца может быть слышен так далеко.

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

Не правда ли, как полнозвучно и общественно весомо звучит это интимное признание?

Интересно вспомнить, что стихотворение написано в 1909 году — в пору политической и художественной распутицы, когда многим из интеллигентов казалось, что «путеводительные маяки» погасли, что революция разгромлена навсегда и Россия быстро погружается во мрак. Блок пишет о любви, но в то же время он пишет и о Родине. Мы чувствуем, как усилием воли он преодолевает распутицу, как, едва не задыхаясь, ловит он спасительный ветер Родины и подставляет под него колокола своих слов.

Кружение сердца, бессвязный язык любви сливаются у него с этим призывным колокольным звоном, плывущим сквозь туман, распутицу и отчаяние по широким российским просторам.

Читая Блока, мы душевно очищаемся, остаемся с миром как бы один на один, изумляемся его красоте и преисполняемся готовности к борьбе.

Твой взгляд —
да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Нет ничего более ошибочного, чем видеть в лирике Блока только хрупкость или пассивную созерцательность. Где-то в глубине его поэзии внимательный слух всегда уловит победный звон щита и звуки метких ударов тяжелого рыцарского меча.

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Меч у Блока сделан из той же стали, что и лермонтовский Кинжал. Блок держит его высоко поднятым над самой головою мирового зла. Он сковал и закалил его на раскаленном горне страданий и борьбы.

Надо сказать, что и самый стих Блока при всей его ажурной красоте, непостижимой легкости и невесомости, когда слова удивительным образом превращаются в музыкальную стихию, — этот полувоздушный парящий стих таит, однако, внутри себя твердую, алмазную основу.

Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, каменья!

В этой особенности блоковского поэтического мира, сочетающего в себе воздушную пунктирность линий с твердой структурой минерала, есть, по-видимому, что-то от Петербурга-Петрограда-Ленинграда — города, который умеет быть одновременно нежным, туманно-зыбким и четким — гранитным, каменным, железным. Легкий, зыбкий, текучий петербургский туман, мосты, как бы лишенные опор, словно повисшие в воздухе, мутные пятна фонарей, едва просвечивающие сквозь водяную пелену. Сколько раз все это было воспето Блоком, обожествлено его поэтическим словом, претворено в чарующую музыку таких же зыбких, неуловимых и прекрасных созвучий!

Петербург вошел в его слово, а блоковское слово вошло в наш город и навсегда осталось в нем. Сами того не замечая, мы, наверно, нередко видим Ленинград как бы блоковским зрением, его глазами.

Странно, но Блок жил в местах, наименее тогда поэтичных в Ленинграде, — близ Пряжки, около фабричных корпусов; он любил и хорошо знал окраины, улицы, населенные рабочим людом. Подобно Некрасову, он пишет о Сенной площади, о Забалканском проспекте, о бойнях, о товарных складах, вокзалах — о той изнанке города, который так непохож на город дворцов, золотых шпилей и ухоженных парков. Это — блоковский Питер.

Такой город тоже остался в блоковском слове и не менее дорог нам, чем и традиционно-поэтический.

В таком облике города сказался демократизм Блока. Эти два Петербурга смешивались в его сознании, как две сталкивающиеся стихии.

От Петербурга Блок переводил взор на Россию. В его стихах мы видим нищие деревни, уже вскипающие праведным гневом и мятежом... Острая, пронзительная любовь к Родине звенит и плачет во многих стихах поэта.

Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Россия, ее судьба не была для Блока лишь одной из тем его стихов. Россия была сердцем, душою, жизнью его поэзии.

Любимый образ Блока — ветер, воздух, рвущийся на куски, — как у Гоголя, когда он описывает Россию в виде крылатой птицы-тройки, уносящейся в будущее. В одной из своих статей Блок вспомнил о гоголевской тройке, как о самом заветном своем впечатлении.

А о российском ветре, рвущемся на куски от стремительности движения, Блок даже не вспоминал: он постоянно жил им, дышал им и верил в него неукротимою верою патриота, верил в свою страну, в свой народ, в будущее.

Этой верой и дорог для нас великий русский поэт Александр Блок.

А. ПАВЛОВСКИЙ,
доктор филологических наук

ЛЕНИНГРАДСКИЙ художник Виталий Тамбовцев увлекается, если можно так сказать, графическим литературоведением. В его большом цикле рисунков, литографий, посвященном жизни и творчеству А. Блока, прослежен весь путь поэта, любимые маршруты его прогулок, широкий круг его интересов. Кроме «биографии в рисунках», Тамбовцева также привлекла документальная точность тех или других городских адресов, упоминаемых в громадном литературном наследии Блока.

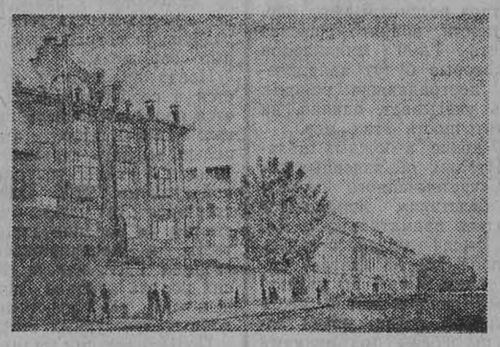
И действительно, те, кто хорошо знает блоковскую поэзию, заметили, как умеет поэт, словно мимолетно, вкрапливать, подмечать особенности городского петербургского пейзажа. Тамбовцев занялся кропотливым поиском «адресов», причем не только зарисовывал дом или уголок парка, связанный с творчеством Блока, но и стремился передать колоритом, графической манерой исполнения настроение, соответствующее той или другой стихотворной строчке, навеянной этими уголками города.

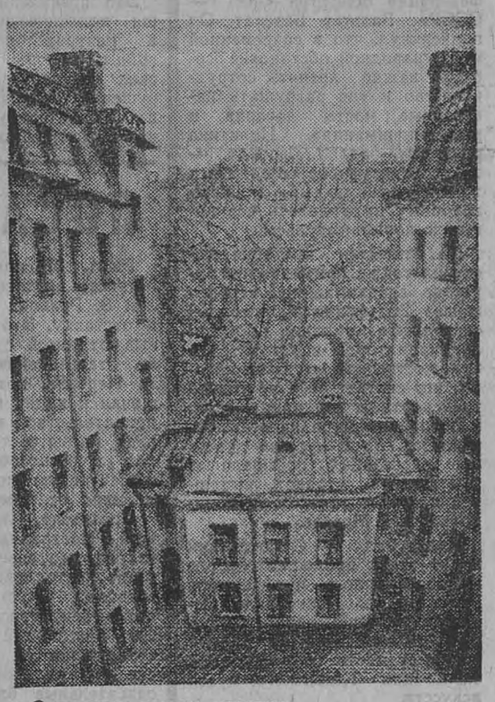
Вот мы видим метельный январь, когда наша Советская Республика только начинала свой славный путь. Нынешний Дом ученых. А. Блок бывал здесь как председатель репертуарной комиссии театрального отдела Наркомпроса (рисунок слева), и как тут не вспомнить удивительные строки из поэмы «Двенадцать», характеризующие это время!

Образ блоковских «каменных громад» передан художником в соседнем рисунке, где мы видим двор дома № 57 по ул. Декабристов. Окна над аркой — квартира, где скончался Блок.

Часто ходил А. Блок и мимо гардинно-тюлевой фабрики и Офицерского корпуса Гренадерских казарм на Петроградской набережной, наблюдал за тяжелым трудом рабочих, «желтыми» окнами, что и легло в основу его стихотворения «Фабрика» (рисунок в центре). Особую «блоковскую» тишину и темноту улиц передал художник и в другом своем рисунке, где мы видим любимое место прогулок поэта — набережную Пряжки. На правом рисунке перед нами — двор дома № 3 по Лахтинской. Окна пятого этажа слева — окна квартиры № 44, где Блок жил в 1906—1907 годах.

Серия В. Тамбовцева «Город и поэт», посвященная блоковскому Петербургу, составляет около 200 листов.





Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!..
. . . . . .

Из поэмы «Двенадцать», январь 1918 г.

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный.
Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

7 февраля 1914 г.

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.
И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Из стихотворения «Фабрика», 24 ноября 1903 г.

Старый, старый сад. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенье навсегда.
. . . . . .
Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Все равно.

7 февраля 1914 г.

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.
. . . . . .
Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Из стихотворения «Окна во двор», октябрь 1906 г.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

АРХИВНЫЕ документы, старинные справочники, записи далеких лет воскрешают повседневную жизнь поэта. Театральные репетиции, спектакли, концерты, визиты к друзьям.

Ощущение удивительного блоковского мира рождается из этих мимолетных штрихов, мелочей, каждая из которых дорога нам сегодня...

«Дивный голос твой...»

В МАРТЕ 1914 года Блок познакомился с солисткой петербургского театра музыкальной драмы Любовью Александровной Дельмас. «Я смотрю на вас в «Кармен» третий раз, и волнение мое растет с каждым разом», — писал он певице. Восхищением ею навеян один из проникновеннейших циклов поэта «Кармен», написанный в эти же дни.

Знакомство перешло в близкую и длительную дружбу. По воспоминаниям певицы поэт часто заходил к ней в гости, благо жила она неподалеку от его квартиры.

Блок восхищался Дельмас — Кармен:

Дивный голос твой, низкий и странный
Славит бурю цыганских страстей.

«Дивный голос» по счастью можно услышать и сегодня. Он сохранен в записи. В 1908 году в студии фирмы «Граммофон» в Петербурге певица напела Хабанеру из «Кармен» Бизе и Варяжскую балладу из «Рогнеды» Серова, а в 1914 году — Третью песню Леля из «Снегурочки» Римского-Корсакова. Почему так мало? «Не любила записываться» — пояснила артистка.

Выпущенные небольшим тиражом, диски эти необычайно редки. Два из них есть в собрании коллекционера Ю. Б. Перепелкина. Третий до сих пор не найден.

Хочется обратиться к тем ленинградцам, у кого сохранились старинные диски: поищите среди них Хабанеру. Это односторонняя пластинка с черной этикеткой, на которой золотом нанесен текст. Как хорошо бы ее найти...

Б. МЕТЛИЦКИЙ

В канун Нового года

В НАЧАЛЕ нынешнего столетия в доме № 39 по нынешней улице Декабристов (здание перестроено) существовало театральное предприятие «Луна-парк». В сезон 1906 года В. Ф. Комиссаржевская сняла это помещение для своего театра.

Пост главного режиссера занял только что приглашенный В. Э. Мейерхольд. Он выступал против натурализма и рутины на сцене. Осуществлению его стремлений помогла работа над пьесой молодого тогда А. Блока «Балаганчик». Она родилась при несколько необычных обстоятельствах: редакция журнала «Факел» предложила поэту перевести на язык театра одноименное стихотворение.

Блок дал согласие.

«Балаганчик» был написан за два месяца.

Автор часто посещал репетиции. После генеральной обратился к Мейерхольду с письмом: «Мне нужно быть около Вашего театра, нужно чтобы «Балаганчик» шел у Вас: для меня это — очистительный момент, выход из лирической уединенности».

Премьера состоялась 31 декабря 1906 года.

С. ГУТКЕВИЧ

ЮБИЛЕЙНАЯ ХРОНИКА

Читая пьесу...

ВЧЕРА на Малой сцене академического Большого драматического театра имени М. Горького состоялась премьера. Театр, одним из основателей которого был Александр Блок, к дням празднования 100-летия со дня его рождения осуществил постановку пьесы поэта «Роза и крест».

Пьеса эта, несмотря на стремление многих театральных деятелей воплотить ее на сцене, так и не видела света рампы. Нынешнее ее осуществление является первым. В постановке БДТ — режиссер В. Рецептер — спектакль имеет довольно длинное название: «Чтение пьесы Александра Блока «Роза и крест». Дело в том, что спектакль решен как литературное чтение этого, одного из сложнейших произведений поэта, как репетиция, которая постепенно переходит в сценическое действие.

На снимке, сделанном с такой непривычной точки, не все сразу узнают Ленинградский государственный университет. Именно здесь, в небольшом, называвшемся тогда ректорским, доме (справа) 16 (28) ноября 1880 года родился Александр Блок.

СТРОКИ, КОТОРЫЕ ПОВТОРЯЕШЬ

«ПОМНИШЬ ЛИ ГОРОД ТРЕВОЖНЫЙ...»

НА МОЕМ столе — книга, вышедшая около четверти века назад: Александр Блок, «Город мой...». И подзаголовок: «Стихи о Петербурге — Петрограде». Такой книги не было у поэта при жизни. Это выборка, вытяжка из всей его поэзии, изданная Лениздатом в 1957 году с чудесными гравюрами А. П. Остроумовой-Лебедевой, «силуэтным» портретом поэта работы Е. С. Кругликовой.

Люди нашего поколения и те, кто старше нас, хорошо помнят, каким событием явился в свое время выход этой книги. Во-первых, потому, что это было первое издание Блока после довольно длительного перерыва. А во-вторых, — и это главное — потому, что книга получилась удивительно живой и цельной. Можно сказать, что перед нами история души поэта, начиная от раннего, проникнутого юношеским смятением перед жизнью стихотворения «Помнишь ли город тревожный...» и кончая великой революционной поэмой «Двенадцать».

Перечитывая сегодня эту старую книгу, читая только что вышедшую работу Владимира Орлова «Поэт и город», мы еще и еще раз убеждаемся, что Блок, может быть, самый «петербургский», самый «петроградский» из великих поэтов нашей земли. Живут в его стихах и Нева, и «белая площадь Сената», и «Елагин мост, и два огня», и другой ленинградский мост — не названный по имени, но легко узнаваемый:

Все пребывало. Движенья, страданья
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек...

И легко угадываются Озерки в знаменитой «Незнакомке», а еще более — в ее втором, позднем, менее известном, но, может быть, не менее выразительном варианте:

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.
Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря...

И есть поразительный «кадр» (иначе не скажешь!) в стихотворении «Еще прекрасно серое небо...»:

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном не даст ответа,
Пока не застигнет его заря...

К «латнику в черном» сам Блок сделал примечание: «статуя на кровле Зимнего дворца». Очень уж непривычной была такая «точка съемки» для тогдашнего читателя! Лишь в наши дни, разглядывая панораму города, снятую с вертолета, мы вдруг находим в таком снимке нечаянное родство с блоковской строфой.

Но и в тех стихах, где, казалось бы, нет конкретных примет города над Невой, мы угадываем его. «Ночь, ледяная рябь канала» — строчка, которая могла родиться только здесь. «Колодцы земных городов» из «Заклятия огнем и мраком» — это всем нам знакомые петроградские колодцы-дворы. И поразительная в своей трагической музыкальности «Фабрика», которая, казалось бы, могла быть написана в любом промышленном городе тогдашней России, несет в себе отчетливые «петербургские» черты.

Мы гордимся тем, что прежде всего в шумах невской столицы, своего «тревожного города», расслышал поэт гулы грядущих, неотвратимых перемен, то, что сам он назвал «музыкой революции». Расслышал и принял. Принял не только музыку, не только поэзию, но и повседневную прозу революционного Петрограда, стремился быть его деятельным гражданином. Поведение Блока в эти годы — урок исторического бесстрашия, который никогда не утратит своего значения.

Илья ФОНЯКОВ